

безоговорочно доверяя в то же время льстивой риторике некоторых политических сторонников Нотары, настроенных по преимуществу протурецки⁷⁵. И Коцонис, автор новейшего труда о Нотаре, посвящает ему настоящий панегирик, изображая его мучеником за веру и греческий народ⁷⁶. Даже в тех работах современных буржуазных историков, авторы которых вынуждены признать малодушие и предательство, царившее среди византийских руководителей, упоминается об этом лишь вскользь⁷⁷.

Весьма благоприятное отношение к Нотаре свойственно и польскому историку Г. Эверт-Каппесовой⁷⁸.

И в советском византиноведении вопрос об оценке деятельности Нотары не получил еще окончательного разрешения. В статье, посвященной борьбе византийских партий в эпоху падения Константинополя, Э. В. Удадьцова не упоминает Нотару ни среди вождей протурецкой партии, ни среди вождей православной партии⁷⁹, а в более позднем ее труде сказано только что «тьма предательства пала и на первого министра империи, великого дуку — Луку Нотару...»⁸⁰

Вот почему я думаю, что следует еще раз остановиться на этом вопросе, используя все имеющиеся теперь материалы.

Чтобы оправдать Нотару, большинство буржуазных историков особо подчеркивает мужество Нотары перед лицом смерти, и считает приказ султана умертвить дуку неоспоримым доказательством его невинности. Между тем, такое поведение Мехмеда II по отношению к Нотаре после взятия Константинополя вовсе не уничтожает подозрений. Не раз турки, и в частности Мехмед, суля грекам золотые горы, использовали их в своих интересах против их же собственной страны; но достигнув цели, они без малейших колебаний избавлялись от этих «орудий», потерявших для них свою ценность:

У нас имеются многочисленные примеры этого. Так, Халкокондил с горечью отмечает, что несмотря на то, что греческая аристократия Фессалоники помогла в 1430 г. туркам оккупировать этот город, тем не менее, после его взятия Мурад «ни для кого не сделал исключения при пленении, даже для предателей»⁸¹. Город был беспощадно разграблен, а население взято в плен⁸².

Одним из тех, кто особенно отличался низкопоклонством перед турками, был крупный пелопоннесский феодал Матвей Ассан. Сначала он передал туркам город Коринф; вместо того, чтобы защищать, он его сдал врагам⁸³. Затем, во время борьбы между пелопоннесскими деспотами и после того, как деспот Фома был побежден деспотом Димитрием, Матвей Ассан был послан последним в Порту с целью упросить султана вмешаться во

⁷⁵ C. A m a n t o s. La prise de Constantinople. Le cinq-centième anniversaire de la prise de Constantinople. Athenes, 1953, p. 10 sq.; его же, *Σχέσεις...*, σελ. 105—106.

⁷⁶ Т. I. Κοτσώνης. Λούκας ὁ Νοταρᾶς, ὁ πρῶτος ἐθνομαρτύρος. Ἀθήναι, 1953; К. Ἀμάντος. *Σχέσεις...*, σελ. 106.

⁷⁷ Fr. Dölger. Politische und geistige Strömungen im sterbenden Byzanz. «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», Bd. III, 1954, S. 10.

⁷⁸ H. Evert-Kappesowa. La tiare ou le turban. BS, V, XIV, 1953, p. 248.

⁷⁹ Э. В. Удадьцова. Борьба византийских партий..., ВВ, т. II, 1949, стр. 298—299.

⁸⁰ Э. В. Удадьцова. О внутренних причинах падения Византии. ВИ, 1953, № 7, стр. 117. О связи Нотары с турками говорится и в недавно вышедшей работе общего характера греческого прогрессивного историка И. Кордатоса. (I. Κορδάτος. Ἀκμή..., σελ. 370, 379—380).

⁸¹ Chalcocond., (Bonnae), p. 236.

⁸² Ducas, p. 198; I. Anagnostes. Narratio de extremo thessalonicensi excidio (Bonnae), p. 509—597. Historia politica et patriarchica Constantinopoleos, p. 7.

⁸³ Critobulus, p. 125.